

Обращение автора к проблемам народной историографии делает закономерным дальнейшее сопоставление рассматриваемых свитков Мидевини с пиктографическим памятником делаваров — хроникой «Валам Олум». В обоих случаях речь идет о памятниках, основных в народной культуре, обладающих рядом стиливых и сюжетных параллелей, которые еще предстоит детально изучить.

Анализируя пиктографическую символику свитков, Дьюдни соотносит изображения основных персонажей (выдры, медведя, черепахи, Манабозо и других духов) с соответствующими мифологическими преданиями, что позволяет автору говорить о «раскованном, аллегорическом характере мышления и чувственного мира оджибве» (стр. 10). В акцентировании свободы и «раскованности» мистицизма мифологической традиции оджибве, очевидно, содержится скрытое сопоставление с традицией их соседей — ирокезов, по отношению к которой не раз говорилось об общей усложненности и хронологической последовательности отдельных циклов.

Несмотря на накопленную к настоящему времени значительную литературу об оджибве нельзя недооценивать и те новые фактические данные, которые приводятся Дьюдни. В частности, несомненный интерес представляет указание на то, что «Валам Олум» делаваров переводился в середине XIX в. на английский язык Джоном Копуэем — вождем, священником и литератором оджибве, со слов одного из делаваров (стр. 128).

Таким образом, заслуга Дьюдни состоит и в том, что его работа по характеру многоцелевая. Полнота в воспроизведении и расшифровке содержания свитков — лишь одно из ее достоинств. Как всякая серьезная работа, посвященная редким областям индейской культуры, какими до сих пор остаются аборигенная письменность и мифология, книга раскрывает перспективы дальнейшего исследования искусства, историографии, мифологии, фольклора оджибве.

Книга Дьюдни может служить примером того, что, во-первых, мифологические образы и понятия как части обряда Мидевини сохранились в среде оджибве до наших дней, пусть на завершающей стадии своего бытия; во-вторых, что уже заявляет о себе их «вторая жизнь» в сфере современного искусства, литературы.

Современное движение аборигенов населения США и Канады за национальное равноправие порождает у молодого поколения индейцев интерес к древним культурным ценностям, в частности, обуславливает возникновение самобытной школы живописи (неоднократные ссылки автора на Н. Моттросса и первых литературных произведений). Несомненно, что книга «Священные свитки индейцев оджибве», на последних страницах которой отмечено появление этих новых ветвей в социальной жизни индейцев, сама проникнута духом времени. В ней дана обстоятельная оценка актуальных явлений народной культуры, определен самый масштаб материала, еще подлежащего исследованию, а тем самым ставится проблема и популяризации индейского культурного наследия — живой части современной североамериканской культуры.

А. В. Ващенко

НАРОДЫ АФРИКИ

«Africa». Африканский этнографический сборник, X. «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклея АН СССР», т. СIII. Л., 1975, 228 стр.

В течение двух последних десятилетий Институт этнографии АН СССР систематически издает сборники «Africa» под редакцией Д. А. Ольдерогге. Основу сборников составляют статьи этнографического, этноисторического и этнолингвистического характера, а также работы «чисто» исторические, филологические, лингвистические и др. Рецензируемый X сборник «Africa» продолжает традицию комплексного изучения культуры народов Африки, установившуюся в советской африканистике.

Сборник открывается небольшой, но чрезвычайно интересной статьей Д. А. Ольдерогге «Брат — сын матери (псевдоматриархат)», в которой предлагается новое объяснение явления, использовавшегося долгое время в качестве одного из аргументов при доказательстве существования матриархата. Известно, что во многих африканских языках имеется своеобразный способ образования термина родства для обозначения брата — с помощью аналитической конструкции — «сын матери». Поскольку такой способ обозначения сиблинга не определяется ни типом системы родства, ни структурой языка, многие исследователи (Дж. Байнов, Г. Марси, М. Делафосс) считали, что этимологическое значение термина «сын матери» указывает на некое состояние общества, когда господствовали нормы материнского права или матриархата. Однако, как впервые показал Д. А. Ольдерогге, у матрилинейных народов сиблинг не обозначается таким образом, в то время как подобная терминология встречается у многих народов с патрилинейной филиацией и патрилокальной формой брачного поселения (сомалийцы, фульбе

Фута-Джаллона, датага, конкомба, эве, йоруба, игбо и др.). Автор на многих примерах убедительно доказывает, что дети одной матери в условиях полигамной семьи и патрилокальности составляют в экономическом отношении более тесную группу, чем дети одного отца и разных матерей. Правда, следует заметить, что у матрилинейных ашанти и фанти сиблинги буквально называются «дети матери» (*niwa* или *niwa*, где *ni* — «мать», *wa* — фонетический вариант слова, *ba* — «дита»¹), но появление этого термина, по-видимому, можно объяснить переходом этих народов к патрилокальности и укреплением полигамной семьи. Таким образом, нет никаких оснований считать эту форму передачи термина «брат» пережитком матриархата как стадии в эволюции семейно-родственных отношений.

В статье Н. Н. Коцевской «Скульптура Ифе и этнография» исследуются назначение и смысл бронзовой и терракотовой скульптуры из Ифе. Опираясь на этнографию йоруба, эдо, джукун и других народов Западной Африки, автор по-новому истолковывает ряд художественных особенностей ифской скульптуры и прежде всего реализм скульптурного портрета, который не укладывается в обычные представления о нормах африканского искусства, что заставило многих исследователей искать истоки ифских традиций в искусстве великих цивилизаций древности. Н. Н. Коцевская полагает, что реализм — не случайное, а вполне закономерное явление, тесно связанное с содержанием скульптуры, и находится в соответствии с представлениями йоруба о «загробном мире», культе предков и культе умерших властителей. Эта важная мысль подтверждается и древнеегипетскими материалами, где сходные представления вполне конвергентно вызвали аналогичные процессы в искусстве.

Близкая к статье Н. Н. Коцевской проблематика рассматривается в сообщении З. Л. Пугач «О назначении фигурок бари». Автор обращает внимание на противоречивость объяснений назначения статуэток бари. Наиболее общепризнанное мнение о том, что они представляют собой «пенаты» (изображения умерших родственников), основано на материалах Г. Швейнфурта и В. В. Юнкера. Но, как установлено автором, ни один из них не видел, как бари обращаются с фигурками. Поскольку изготовление статуэток прекратилось к началу XX в., вопрос об их назначении все еще является открытым.

В статье И. Н. Головановой и З. Л. Пугач «Африканские коллекции братьев Соломенцевых в Тарту» дано квалифицированное описание предметов, собранных в 1930-х годах русским врачом, работавшим во Французском Конго (сейчас Народная Республика Конго) и ныне хранящихся в ГМЭ Эстонской ССР в г. Тарту. На первый взгляд, статья может показаться чисто описательной, однако информация о назначении и различных особенностях ритуальной скульптуры, методах ее изготовления и способах придания ей магической силы делают статью весьма серьезной этнографической работой, в которой, рассматривается культ предков.

Сложной и малоразработанной проблеме этнокультурных контактов народов Африки и Эгеиды посвящена статья Ю. К. Поплинского «Африка и Эгеида во II тыс. до н. э.». Автору удалось восстановить общие контуры истории этого периода, охарактеризовать основные области торговых и культурных контактов на североафриканском побережье, а также приблизительно определить уровень социально-экономического и культурного развития населения Северной Африки, что оказалось возможным сделать только при использовании комплексной методики исследования, предложенной советскими этнографами для решения проблем этнической истории. Ю. К. Поплинский привлек весьма широкий круг источников: древнеегипетские и древнегреческие письменные источники, наскальные изображения Сахары, памятники материальной и духовной культуры, антропологический материал. Изучение афро-эгейских контактов позволило подойти вплотную к решению одной из наименее изученных проблем в этнической истории континента — к проблеме гарамантской цивилизации. Обнаружив сходные черты в культуре гарамантов и эгейцев, автор связывает появление гарамантов в Африке с походами «народов моря» во II тыс. до н. э. В целом исследование Ю. К. Поплинского расширяет наши знания об Африке и ее роли в мировом культурно-историческом процессе. Однако работа, несомненно, выиграла бы, если бы текст (особенно разделы о мореходной технике и о материальной культуре гарамантов и эгейцев) сопровождался иллюстрациями (рисунками или фотографиями). Ощущается также отсутствие этнической карты Северной Африки (хотя термин «этническая карта» не раз фигурирует, в тексте) и картосхем морских маршрутов в Восточном Средиземноморье и маршрутов транссахарской караванной торговли.

Две работы В. А. Вельгуса посвящены доказательству гипотезы о том, что Китай уже во II—I вв. до н. э. мог знать о египетском городе Александрия. В статье «Первые сообщения китайских источников об Александрии в Египте» идентифицируются страны Ли-сянь и Ли-цзянь, упоминаемые в древнекитайских и тибетских источниках, с Александрией Египетской, а также делается вывод о том, что произошедшему в форме Ли-цзянь, известной с конца I в. до н. э., предшествовала форма Ли-сянь. Во второй статье «Александрийские фокусники в Китае» рассказывается о фокусниках-иллюзионистах из страны Ли-сянь (Ли-цзянь).

Название статьи В. В. Матвеева «Земледелие у зинджей (по арабским источникам X—XII вв.)» несколько шире ее содержания, поскольку посвящена она не земледелию

¹ W. T. Balmer, F. C. F. Grant, A grammar of Fante-Akan language, London, 1929, p. 63.

во всем комплексе, а только сельскохозяйственным культурам, которые выращивали эфиопцы в X—XII вв. В работе собраны и систематизированы сведения средневековых арабских источников об этих растениях, и на основании этой информации делается вывод о том, что население Восточной Африки обладало высокоразвитой культурой земледелия. Сведения арабских источников о земледелии у населения Восточной Африки очень важны, так как археологических данных по этому региону почти не имеется.

Небольшое сообщение А. А. Жукова «Из образов старосухахилийской литературы» представляет собой публикацию старосухахилийского манускрипта с текстом поэмы «Стихи Лионго». Публикация поэмы, обнаруженной автором в 1972 г. в архиве сухахилийских рукописей университета Дар-эс-Салама, делает возможными сопоставления с уже известными вариантами этого произведения.

В лингвистическом отделе сборника привлекают внимание прежде всего статьи И. М. Дьяконова и А. И. Еланской. И. М. Дьяков представил лингвистические данные к истории древнейших носителей афразийских языков и высказал соображения о родине протоафразийцев. Сделана также попытка определить приблизительное время расхождения между семитской и кушитской ветвями афразийской семьи языков. Статья А. И. Еланской «Закон пропорции в коптском и категория времени в древнеегипетском языке» касается одной из любопытных проблем языков древнейших письменностей. Характер древнеегипетской иероглифики, дающей абсолютно достоверную вокализацию (на которую в языках афразийской семьи падает значительная, а нередко и основная часть грамматики), породил в свое время мнение о видовом характере древнеегипетского глагола. А. И. Еланская, опираясь на закон пропорции в коптском языке, рассматривает возможность временной характеристики древнеегипетского глагола, которая обычно отрицалась.

Л. Палмайрис исследует личные местоимения в протоафразийском и праиндоевропейском в связи с вопросом бореальных реконструкций. А. С. Четверухин делится наблюдениями над староегипетскими предложениями с безличным управлением. И. А. Осницкая в статье «Имя владетеля» в языках хаусской группы рассматривает конструкции с префиксом *mai/masu*, который является очень продуктивным в языке хауса. Появление этих конструкций связывается с влиянием суданского субстрата. В другой статье И. А. Осницкой исследуется структура имени в языках хауса.

Сборник завершается двумя филологическими статьями С. Б. Чернецова. В статье, написанной по материалам эфиопских рукописных памятников из собрания Музея антропологии и этнографии, С. Б. Чернецов предпринимает сопоставление трех эфиопских магических сюжетов («Сети Соломона», «Отлучение Сатаны» и «Ограждения Креста») с аналогичными сюжетами других христианских народов, что позволило ему установить общие источники этих сюжетов. Вторая статья «Эфиопская литература XVII в.», представляющая собой краткий обзор эфиопской литературы XVII в. — времени наивысшего расцвета историографического и агнографического жанров эфиопской средневековой литературы. Произведения обоих жанров — исключительно ценные источники, способствующие пониманию исторической и культурной обстановки средневековой Эфиопии. Несомненным достоинством статей С. Б. Чернецова, так же как и многих других статей сборника, является прекрасный язык изложения. Вызывает сожаление лишь излишняя краткость сообщения об эфиопской литературе (7 стр.), носящего в отдельных местах конспективный характер. Совершенно очевидно, что тема заслуживает гораздо большего объема. Представляется также необходимым предлагать к подобной работе образцы литературных жанров.

В заключение нельзя не заметить, что все статьи сборника снабжены резюме на английском или французском языке. К сожалению, приходится посетовать на чрезвычайно краткую краткость большинства из них.

В целом сборник, несомненно, является полезным вкладом в советскую африканистику.

В. А. Попов